

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 93

Е. Л. Соснина

ПРОБЛЕМА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И РОЛЬ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ВОСПРИЯТИИ КАВКАЗА

Ориенталистика в утверждении колониального господства Запада над Ближним Востоком и другими регионами

До недавних пор ориентализм обозначал востоковедение — дисциплину, зародившуюся на Западе, которая приобрела самостоятельное значение и была поставлена на научную основу в XVIII–XIX вв. Однако со временем методология ориентализма оказалась весьма спорной. Для отдельных теоретиков она стала предметом оживленной дискуссии. Выход же в 1978 г. книги известного американского обществоведа и культуролога палестинского происхождения Эдварда Вади Саида (1935–2003) «Ориентализм» [1], одной из наиболее влиятельных работ последней четверти века, поставил современное востоковедение в чрезвычайно сложную ситуацию. В свете предложенных Саидом положений востоковедение могло предстать лженаукой. Он показал, как из записок разных путешественников — искателей приключений, посещавших Восток, не понимавших чужую культуру и не вникавших в нее, складывался на Западе образ «Дикого Востока», который сейчас широко тиражируется мировыми СМИ.

Но в то же время проблема феномена «Иного», антитезы «Свои — Чужие» присуща человеческому сознанию во все эпохи и имеет фундаментальное значение для раскрытия специфики любой культуры и ее самосознания. Роль образа «Другого» в формировании собственной идентичности на разных исторических этапах исключительно важна, поскольку познание чужой культуры и самопознание — явления одного порядка. Только в контактах с чужой культурой происходит осознание специфики собственной культуры. Естественно, что в разные исторические времена оно имело различное содержание. Восприятие одной культуры другой в XVIII и XIX вв. существенно отличается от того, как воспринимается Восток Западом в веке XX.

При этом в первую очередь можно вспомнить восточные мотивы русского Кавказа. На эту тему писали английский литературовед Сьюзен Лейтон [2] и американский историк Остин Джерсидл [3].

Например, Сьюзен Лейтон в отличие от Саида использует произведения русских классиков (Пушкина, Лермонтова, Толстого). Она изучает такое понятие, как «военный туризм», а также социальную и культурную историю элиты российской Империи в ее внешних контактах.

Интересно также обратиться к исследованиям Сары Дискинсон. Публикация в 2006 г. ее книги «Путешествие и национальная культура России» является также свидетельством интереса к данной теме. Прежде всего Сара Дискинсон определяет и объясняет свои критерии выбора «рассказов путешественников», которые она использует для анализа. Наиболее важно, по ее мнению, качество той литературы, которая подчеркивает связь с Европой и ориентирована на традиции Восточной Европы XVIII–XIX вв. Исследовательница приходит к выводу о том, что российский классический ориентализм начал складываться с конца XVIII в., с того самого памятного события общеевропейского масштаба, каким было путешествие Екатерины II в татарский Крым. Тогда же в России, как заметила Сара Дискинсон, стали появляться стереотипы «инаковости» и образ «Чужого» как онтологически отличного от норм доминирующей европейской культуры. При этом она концентрирует внимание не только на таких известных авторах, как Александр Радищев, Николай Карамзин, Василий Жуковский или Александр Пушкин. Ее интересуют путевые заметки всех путешественников по России [4, с. 3–25].

Таким образом, отдельные (в основном американские и французские) историки пытались понять роль востоковедов и научных обществ в освоении «восточных окраин» Российской империи и СССР. Одной из первых публикаций на эту тему стал выпущенный в 1997 г., но уже ставший классикой сборник «Российский Восток» [5]. По справедливому замечанию американского востоковеда Адиба Халида [6, с. 315], отдельной, пока еще слабо изученной темой может быть западная советология времен «холодной войны» как разновидность ориентализма. Можно сделать вывод о том, что в России проблемой остается не отсутствие источников или хороших работ об ориентализме, но маргинальность всего направления для отечественной историографии. Однако при этом не стоит умалять роль источниковедческой работы.

Включение же материалов франкоязычных исследователей в научный оборот в полном объеме актуально именно сейчас в рамках проблемы «Запад — Восток» в ее современном звучании (имеются в виду преодоление противостояния Запада и Востока в массовом сознании, а также проблема историко-культурного диалога между Западом и Востоком Европы).

Всех путешествовавших на Кавказ франкоязычных авторов можно классифицировать следующим образом:

1. **Торговцы и путешественники:** Г. Рубрук (ок. 1215–1270), Ж. Б. Тавернье (1605–1689), Жан Шарден (1643–1713), Обри де ла Мотре (1674–1723), А. Дюма (1802–1870), А. Оммер де Гелль (1817–1871).

2. **Католические миссионеры:** Луи Гранже (XVII в.), Александр де Родес (1591–1660).

3. **Ученые:** Ж. П. Турнефор (1656–1708), Я. Потоцкий (1761–1815), Ф. Дюбуа де Монпере (1798–1850).

4. **Художники:** Ж.-П. Муане (Mounet) (1819–1876), Флориан Жиль (1801–1864), Шарль Ребуль (1815–1898).

5. **Военные и политические деятели:** Тейтбу де Мариньи (1793–1852), Феррьер-Совбёф (1750–1814).

Уже в заметках первых путешественников на Кавказ вырисовывается определенная тенденция к описанию той или иной восточной культурной традиции, опирающейся по ряду признаков на экзотические относительно самой этой традиции особенности. Так, французский монах Вильгельм де Рубрук описывает этнографические особенности местных народов, в том числе легендарных алан. Его сочинение «Путешествие в восточные страны» считается одним из серьезных источников по истории Востока позднего средневековья.

Тавернье приводит пример кругового поселения кумыков, имеющего восточные аналоги, особенно у народов-номадов. Жан Шарден концентрирует внимание на восточных товарах. Обри де ла Мотре уделяет большое внимание восточной архитектуре на примере развалин древнего торгового города Маджары.

Католические миссионеры продолжили экзотические описания Кавказа как части Востока, концентрируя внимание на этнографических описаниях и на тех «варварских» обычаях, которые затрудняли, по их мнению, обращение местных народов в католицизм.

Александр Дюма, Адель Оммер де Гелль многие страницы своих повествований посвящают описанию восточной экзотики. Например, многие города, виденные Адель Оммер де Гелль на Кавказе, воспринимались ею как «дита Востока». Восточные мотивы привлекают ее в costume и танцах местных народов, в обычаях и нравах, в товарах, приобретаемых на рынках. Причем события, свидетельницей которых она была на Кавказе, ассоциируются ею с другим образом Востока: с Константинополем. Видимо, такое восприятие Востока было свойственно европейцам. Не случайно организованная в Париже в 2004 г. в Национальной библиотеке Франции выставка старинной гравюры на восточную тему называлась «Два Востока»: Восток азиатский и Восток кавказский.

Ряд путешествий, совершенных франкоязычными исследователями, учеными (Я. Потоцким, Г. Ю. Клапротом), способствовал становлению научного кавказоведения в России.

Говоря об освоении Кавказа в художественной традиции, также следует обратить внимание на то, что здесь можно констатировать не только интерес к восточной культуре, выразившейся в архитектуре, танце, costume (Ж.-П. Муане, Ксавье Оммер де Гелль), но и создание образа «дикого», непонятного, «чужого» Кавказа.

Военные и политические деятели также оставили свое видение Кавказа как части Востока. Например, Феррьер-Совбёф (1750–1814) — граф, французский дипломат и политический деятель. В 1782–1789 гг. французским правительством Людовика XVI он был послан с дипломатическими поручениями в Константинополь. Пребывание Феррьер-Совбёфа на Востоке совпало с моментом обострения франко-русских отношений на почве агрессивной политики России на Черноморском побережье Кавказа, что затрагивало интересы Турции, которую по политическим и торговым соображениям взяла под защиту Франция.

Во время своего пребывания в Персии Феррьер-Совбёф добивался, чтобы персидское правительство силою оружия не допускало проникновения России в Закавказье. Это вызвало дипломатический инцидент между Россией и Францией.

По возвращении во Францию Феррьер-Совбёф издал воспоминания о своем пребывании на Востоке [7]. Эти воспоминания в значительной степени являются политическим памфлетом, направленным против его оппонентов — французского посланника в Константинополе Шуазель-Гуфье, придерживавшегося примирительной

политики по отношению к России, и французского ориенталиста Вольнея, незадолго до этого опубликовавшего свое «Путешествие в Египет и Сирию».

Путешественники рубежа XVIII–XIX вв. (Ксавье и Оммер де Гелль, Ш. Ребуль) оказались на Кавказе в тот исторический момент, когда шло вхождение этого региона в культурное поле России. В литературной полемике 1840-х гг. оформляется культурная антитеза «Запад — Россия», оказавшая влияние на западноевропейских авторов.

В отношении материалов XVIII–XIX вв. заметим, что некоторые путешественники этого периода (Флориан Жиль) (1801–1864) [8] в своих сообщениях отражали интересы колониальной политики русского самодержавия, поэтому эти сведения требуют критического подхода. Иногда мы встречаем в этих источниках почти пренебрежительное отношение к горцам, стремление представить их «дикарями» и «разбойниками». Однако чаще можно встретиться в этих записках с симпатией по отношению к горцам Северного Кавказа. А достаточно частое употребление слова «sauvage» (дикарь) в итинерариях этого времени весьма логично объясняет современный французский исследователь Франсуа Мурро [9, с. 142]. Он говорит о том, что здесь нет пренебрежительного нюанса по отношению к народам Кавказа. В данном случае западноевропейские путешественники сравнивают различные цивилизации. Дикость — это значит регресс (когда нет четко выраженной государственной структуры, регресс по отношению к развитой западноевропейской цивилизации). То же можно сказать и об употреблении слова «primitif» («примитивный» = «первобытный»).

Из всех отдельных групп западноевропейского торгового капитала на Ближнем Востоке преобладал французский. Политика Франции на Востоке в конце XVIII в. базировалась на принципе сохранения целостности приходившей в упадок Османской империи и сохранения с ней дружеских отношений, что создавало благоприятную почву для экономического внедрения французского торгового капитала в страны Ближнего Востока, в том числе и на Кавказ. С целью использования всех открывавшихся на Востоке экономических возможностей французское правительство направляет сюда в XVIII в. ряд научных развернутых экспедиций, к числу которых принадлежало и путешествие на Восток, в том числе на Кавказ, известного французского ботаника Турнефора [10], заложившего основы изучения кавказской флоры.

В противоположность такой политике французского торгового капитала, базировавшегося на принципе сохранения целостности Османской империи, военно-феодалная экспансия России в XVIII в. на Востоке делала ставку на распад Турции и Персии и на захват отдельных принадлежавших им областей. Такая экспансия России, получившая, как известно, в конце XVIII в. широкий размах (присоединение северного черноморского побережья Крыма и Северного Предкавказья), завершилась на Кавказе к началу XIX в. аннексией Грузии и присоединением всего Закавказья, что создавало здесь плацдарм для русского царизма для завоевания внутренних горных областей Кавказа. Этому процессу во второй половине XVIII в. предшествовали широко поставленные разведочные экспедиции. К ним относятся уже упоминавшиеся экспедиции на Кавказ академиков Гмелина, Гюльденштедта, Палласа.

Противоречие интересов Франции и России и противоположность методов их политики создало столь характерный для конца XVIII в. антагонизм обоих государств в так называемом «Восточном вопросе». Поскольку речь идет о Кавказе, этот антагонизм находит свое отражение в «Мемуарах» Феррьер-Совбёфа, графа де Сюзана [11].

На приведенных выше примерах мы видим и различие оценочных понятий антитезы «Восток — Запад», и интерес к Кавказу как к части Востока, и стремление к выработке культурного синтеза в понимании проблемы «Запад — Восток, Кавказ». Наблюдается также особое отношение именно к Кавказу как к части Востока, так как ему принадлежит особое место в понимании образа Востока, а присущие последнему мусульманские образы органично соседствуют здесь с христианским миром. То есть в конечном счете Запад и Восток сливаются в описаниях, становятся неразрывны и нераздельны.

Основные концепции востоковедения и роль России в современном восприятии Кавказа

Интересно сравнить восприятие Востока современных европейских авторов, включая и позицию Эдварда Саида, который опирается на «литературу путешествий», с проблемами Кавказа как части России.

По своему содержанию работа Саида злободневнее для Западной Европы и США. Речь в ней идет о вкладе западной — в основном англо-американской и французской — ориенталистики в утверждение колониального господства Запада над Ближним Востоком и другими регионами Третьего мира. По этой причине книга затронула прежде всего востоковедов из бывших западных колониальных империй. Русская история и ориенталистика Саида не интересовали. Он совершенно не знал российской фактуры, поэтому во всех изданиях книги Российская империя и Советский Союз упомянуты лишь мельком, в основном как объект американской или западной политики, а порой и как сопоставимый с ориентализированным Востоком образ Иного. Ни один из русских и советских востоковедов в ней не фигурирует. Саид подробно разбирает роль европейской беллетристики XVIII–XX вв. в распространении ориенталистских стереотипов, но из русских классиков вскользь упоминает лишь Льва Толстого. Ни Лермонтов, ни ранний Пушкин, в творчестве которых восточная экзотика и покорение русскими мусульманского Востока занимали большое место, в его книге не упоминаются. В общем и целом Россия занимает здесь маргинальное место.

Все это, однако, не означает, что для России ориентализм неактуален. При глубоком анализе история, этнография и востоковедение Российской империи и Советского Союза предоставляют немалые возможности как для истолкования, так и для критики концепции Саида, в частности его утверждения об отличии русского имперского ориентализма от «классических» европейских образцов.

Ориентализм Саида определяет Восток не в географическом (East), а в культурологическом (Orient) смысле [1, с. 117]. Колонизация Востока в XVIII и XIX вв. означала для европейцев не только экономическое владение им, но и его осмысление. Для Запада Восток — это место, которое можно описать и изучить, обжить, управлять им и одновременно защищаться от него. Ориентализм, по Саиду, фактически является западным методом установления господства над Востоком, его перекройки и доминирования над ним. Эдвард Саид отмечает, что невозможно понять эту строго систематизированную дисциплину, с помощью которой европейская культура была в состоянии управлять Востоком и даже создать его — в политическом, военном, идеологическом, научном и воображаемом аспектах, если не рассматривать ориентализм в качестве дискурса.

Эдвард Саид убежден, что именно сравнительный метод, примененный Западом по отношению к Востоку и восточным народам, сформировал неправильные представления об онтологическом и гносеологическом неравенстве Запада и Востока. Автор «Ориентализма» почти не сомневается в том, что интерес Запада к Востоку носит лишь политический характер. Но несомненна и такая точка зрения, согласно которой в своей сущности ориентализм Саида есть придание привилегированного статуса одной культуре (западноевропейской, или атлантической) относительно другой («Восток»). Последняя играет роль культурно-инакового «Другого», используется для интеллектуального доминирования и позитивной самоидентификации.

Применение этих представлений к России требует, по мнению А.Эткинда, не только исторической, но и теоретической работы [12, с. 108–109]. Такие исследования появились сравнительно недавно, в 2000 г. [13, с. 691–728]. Однако большинство авторов использовало понятие ориентализма в обычном смысле внешней колонизации Востока Российской империей. При таком прямом применении понятия «ориентализм» Российская империя либо оказывается одной из колониальных империй наряду с Испанской, Британской или Французской, либо, наоборот, одним из колонизованных пространств наряду с Америкой, Африкой или Вест-Индией. Однако не подлежит сомнению, что Россия в разных ее частях, периодах и лицах бывала как субъектом, так и объектом ориентализма.

Современный московский исследователь В. А. Захаров пишет: «Интерес европейца к Востоку, проявленный в XIX в., в его сознании был обусловлен в первую очередь императивом восприятия Востока как колонии. Однако вместе с тем ориентализм является не только политической темой. Скорее всего, ориентализм являет собой пример экспансии геополитического сознания с помощью художественных, научных, экономических, социологических, исторических и филологических текстов» [14, с. 51–72].

Но в отличие от колонизации Востока государствами Запада взаимоотношения России и народов Кавказа были совершенно иными, и говорить о том, что Кавказ — это колония России, неправомерно. В тот исторический момент, когда шло вхождение этого региона в культурное поле России, политико-экономические, социально-культурные, этноконфессиональные процессы и отношения в этом месте, конечно же, были далеки от стабильности. Военно-силовых и административно-политических мер в этом процессе было недостаточно. Северный Кавказ требовал не только военными мерами, но и культурой преобразовать и освоить регион, показать и доказать кавказским народам всю силу нового для них строя жизни, его позитивную, преобразующую мощь, способную вырвать их из мира жестокого средневековья и родоплеменных распрей, создать для них новые основы материального существования, новые основы быта, возводимые на фундаменте русско-европейской культуры.

Таким образом, становление и развитие исследовательской традиции на Кавказе следует связать с развитием мирового ориентализма. Западноевропейским авторам принадлежит особое место в понимании образа Востока и России (в частности, Кавказа) в XVIII–XIX вв. Часто оно соотносится с колониальной, завоевательной имперской политикой. Однако монистическая интерпретация вхождения Кавказа в состав России в результате завоевательной политики, тиражируемая сегодня западными СМИ, негативно влияет на генезис самосознания многих кавказских народов. Здесь важен компаративный анализ текстов франкоязычных и русских авторов, так как представители русского ориентализма (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов) создали образ

Кавказа, при анализе которого мы не воспринимаем Восток и ислам как враждебные понятия. Восток давал им повод для раздумий и творчества, в котором Запад и Восток стали неразрывны и нераздельны. При этом Восток для них не был враждебным, а взаимоотношения России и народов Кавказа не приравнивались к колонизации Востока государствами Запада.

Многие истоки сегодняшних социально-политических и национальных проблем, с которыми сталкивается Российское государство на своих южных рубежах, как, впрочем, и возможные пути их решения, следует искать в обозримом историческом прошлом. Объективные научные знания о нем способны сыграть немаловажную роль в достижении государственно-политической стабильности. Период временного замалчивания острых вопросов межнациональной политики сменился откровенным, хотя и не всегда корректным диалогом национальных историков.

Современная этносоциальная политика властей на Кавказе должна проводиться в русле укрепления традиций дружбы и сотрудничества северокавказских народов. В этой связи особую актуальность приобретают поиски общих точек соприкосновения, общих взглядов на исторические события, а значит и на перспективы дальнейшего сосуществования в рамках федерации.

Литература

1. Saïd E. L'Orientalisme. L'Orient créé par l'Occident (traduit par Catherine Malamoud et préfacé par édition du Seuil). Paris, 2005.

2. Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge, 1994.

3. Jersild A. L. Orientalism and Empire: North Caucasus Muslim Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal, 2002.

4. Dickinson S. Russia's First «Orient»: Characterizing the Crimea in 1787 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. No 1. P. 3–25.

5. Russia's Orient. Imperial Borderlands and peoples, 1700–1917 / eds. R. B. Daniel, J. L. Edward. Bloomington, 1997.

6. Халид А. Российская история и спор об ориентализме // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет*. М., 2005.

7. Ferrieres-Sauvboeuf. Memoires historiques, politiques et geographiques des voyages faits en Turquie, en Perse et en Arabie, en 1782–1789. Paris, 1790. Т. I–II.

8. Gilles F. Lettres sur le Caucase et la Crimée. Paris, 1859.

9. Moureau F. Le second voyage ou Le déjà-vu. Paris: Klincksieck, 1996.

10. Tournafort J.-P. Relation d'un voyage du Levant. Paris, 1717. Т. I–II; Lyon, 1717. Т. I–III.

11. Suzanet de. Les provinces du Caucase sous le pouvoir russe // *Revue de de deux Mondes*. 1841. № 505. P. 119–123.

12. Эткин А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // *Новое литературное обозрение*. 2003. № 59. С. 116–121.

13. Канпелер А. Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Традиция — Прогресс-Традиция, 2000.

14. Захаров В. А. Ориентализм Эдварда Саида и восприятие Востока в Лермонтовскую эпоху // *Лермонтовский сборник (материалы Всероссийской научной лермонтовской конференции «М. Ю. Лермонтов в русской и зарубежной науке и культуре», 14–16 октября 2008 г.)*. Пятигорск, 2009. С. 51–71.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2011 г.